

Дики адыгского прошлого

ИСТОРИЧЕСКОЕ ПРИЛОЖЕНИЕ выпуск 16 (128)

КАВКАЗ. АБХАЗИЯ, АДЖАРИЯ, ШАВШЕТИЯ, ПОСХОВСКИЙ УЧАСТОК.

ПУТЕВЫЕ ЗАМЕТКИ ГРАФИНИ УВАРОВОЙ. 1886 г.

Продолжение, начало в
выпуске 15 (127).

На поверхности многих из этих курганов заметны каменные ящики, составленные из пяти легких каменных плит, большей частью вскрытых. На других — середина кургана заметно опустилась, что заставляет подозревать провалившийся свод. К несчастью неподвижность местного населения и жатвенная пора помешали нам проверить наши наблюдения. Есть курганы, сравнительно, гораздо большие; каменные вскрытые ящики все направлены с запада на восток. Между могильниками, разделенными на две группы, ясно заметна широкая дорога, выложенная по концам плитами из того-же местного известняка; идет она между плавнями, теряется выше на каменистой равнине и доходит до моря, в котором заметны свай, может быть остатки прежней пристани.

В Геленджике 102 двора, считая между ними потомственные участки первых поселенцев и те наделы, которыми наделяются новые пришельцы, принимаемые обществом по приговору; кроме того в поселке живут семьи греков и турок, приходящих на время с целью заработка, ловли дельфинов и морских собак, которых топят на сало.

Первые поселенцы этой местности были переведены на казенный счет; казна, построив их и дав им все обзаведение, выдавала им годами весь нужный провиант. Шли на таких условиях добровольцы и получали по 45 дес. на дом; шли и по жребию, то есть, по принуждению и получали 30 десятин. Приходили, жили, пользовались всем, с краем не знакомились, ставили себе лачуги, годные только для скота, и не хотели прилагать рук ни к чему, уверяя, что настоящей земли нет, а которая есть — не производительна. Начальство, зная, что черкесы кор-

мились и даже вели торговлю на тех же землях, не могло согласиться с такими выводами, приезжало, уговаривало, наводило справки; тогда жители нашли следующий выход: подмачивали выданные им семена, поджаривали их, и в таком виде ссылали пред начальством, которое в следующем году принуждено было согласиться, что земля в самом деле не в состоянии родить печеного хлеба.

В нынешнее скептическое время все вспомоществования прекращены, и земля родит там, где ее возделывают; возделывают ее еще лениво, но все-таки шаг вперед сделан, и начальство поняло, что вина не за одной землей. Водят здесь и скот — местной горской породы, смесь черкесской с сementальской, скот мелкий, но красивый и молочный, несмотря на то, что содержится крайне небрежно и почти круглый год на подножном корму.

Среди станицы стоит на огромной, пустынной площади маленькая, беленькая церковь, на том же месте, где в 1831 г. наши храбрые солдаты разбили, под дубом, палатку, в которой отслужили первый благодарственный молебен. Неподалеку оттуда заметны следы прежней крепостной стены и вала, возведенных и довольно долго послуживших храбрым воинам для защиты от беспрестанных набегов горских жителей, населяющих соседние ущелья. Крепость обратилась в пустынную, унылую станицу; ущелья также обезлюдены, поля, сады, заброшены; на месте прежних аулов видны остатки саклей, сараев, между которыми часто находятся целые запасы прелестнейшего меда, сохраняемого в огромных склянках, залитых воском. Тут же, на выступах гор и плоскогорьях — бесчисленные могильники, еще раз подтверждающие мнение о том, что частое население, которое занимало эти горы. Способ погребения в этих могильни-

ках: легкий каменный ящик, с выдающейся каменной плитой, слегка заваленной землею. Вблизи от Геленджика, на одном из горных, лесных откосов, направо от дороги в Новороссийск, находится также долмен, или богатырская хата. Другой, подобный, но из цельного камня, стоял, по словам старосты, у въезда в станицу, но был взорван и перевезен в Кабардинку для водопровода.

Вечером ездили верхом для отыскания долмена; но, несмотря на то, что имели при себе местного губернского агронома-землемера, обходившего все ущелья и знающего их по всем закоулкам, и казаков из местной сотни, — мы ничего не нашли. Проскитавшись по кустам и овражкам, налюбовавшись светящимися мухами (*lampiris italica*), *luciluci* любезной Италии, вернулись домой при чудном лунном освещении, и еще долго просидели на крылечке, любуясь луной, пирамидальными тополями, тишиной ночи и звездным небом...

5-го июля. В 5 часов утра, воспользуясь прохладой, выезжаем далее на тех же лошадях и тех же экипажах, которые согласились продолжать путь только по требованию новороссийского служилого полицеймейстера.

В зеленом, уютном, глубоком Адербиевском ущельи, на речке того же имени, много долменов; с дороги любуемся одним из них, расположенным высоко над нами, на откосе лесистого горного отрога. Местность кругом нас приветливая, с множеством ручьев и речек, с развесистыми ветлами, могучим лопухом, но повсеместно плохим, сорным хлебом.

Но вот р. Мезип, приняв в себя реку Адербиевку, прорывает горы: Маркоч остается влево, представляя нашим взорам оголенную стену, состоящую из конгломерата глыб, связанных или скрепленных в одну общую громаду разложившеюся массой углекислой извести: вправо

возвышается лесистый хребет, носящий с этого места название хребта Кецегур (до р. Пшады), а перед нами высокая отдельная гора с четырьмя седловинами, может быть гора Вардобир, значащаяся по картам, но (как и все здесь) неизвестная местному населению.

Речки принимают здесь иной характер: это более не горный поток, kloкочущий и ревущий среди каменных преград, нагроможденных и нанесенных неведомою гигантскою силою; это скорей реки Мингрелии, более спокойные, широкие, выносящие, правда, на дорогу целые наносы известковых глыб (по которым не всегда приятно продолжать путь), но текущие впоследствии тихо и спокойно по каменистому ложу, среди ветвистых деревьев и заросших зеленых берегов.

Точно зеркало эти речки, точно дремлющая красавица среди зеленого нависшего свода.

Переезжаем бесчисленное число раз реку или речку: судя по карте, это должна быть р. Цюцдюк с притоками, о которой однако же геленджикский староста, сопровождавший нас по своему участку, никогда не слышал.

Местность все более и более походит на Малороссию; казаки во многих местах вывозят лес из тенистых ущелий; ольха и хмель все чаще и чаще заменяют более редкие и благородные породы. В широком ущелье Адербиевского участка, среди сенокоса, влево от дороги, на пригорке, среди граповой поросли — огромный долмен с отверстием на восток и тремя плитами, при-

Прасковья Сергеевна Уварова.
Фото 1910-х годов

крывающими дно долмена. На многочисленных полянах видим запущенные черкесские сады с множеством фруктовых деревьев, ныне одичалых; на одной из таких полян хохол чиншевик ставит свою хату и развел уже кукурузу и пшеницу. Такой дорогой добираемся до пределов Геленджикского и Адербиевского участка, прощаемся с старшиной и продолжаем путь по землям высочайше пожалованным разным лицам за покорение Кавказа. На земле генерала Колосова, на поляне и немного выше, в лесу, через речку, разбиты палатки и построены домики немцев, приехавших разрабатывать кавказские леса, или скорей истреблять их, как будто, в самом деле, местных хищников без них мало. Тут же начинается дорога, проложенная инженерами для облегчения подъема; пролегает она вдоль откосов гор, формация которых незаметно изменяется: известняк исчезает, и шоссе пролегает среди мелкозернистого песчаника, употребляемого на оселки. Темные речки, нависшие грапы, множество цветущей *clematis* и дикого виноградики — совершенная

Швейцария или Тироль.

Подъем становится все сильнее; с одной стороны голубые, синие прорезы на удаляющийся Маркоч; с другой — глубокие буковые ущелья. Растительность роскошная: дикий виноград и ежевика уже повсюду застелили, затянули полотно новой дороги; дикая спаржа повсеместно покрывает ее. Подъем продолжается целых пять верст. Asalea и рододендрон застилают всю почву, и в очень многих местах сменяются дубняком и осинкой. На полянках сочная трава пестреет самыми разнообразными цветами и доходит нам по пояс.

Высоко над нами виднеются фруктовые плантации — остатки тех орлиных гнезд, откуда громили нас так долго черкесы.

При спуске опять показался известняк, и с ним снова вернулся орех, грап, бук и clematis. Справа железистый ключ. Находим белый и красный digitalis, могущественные желтые Kaiser krone, белый, крупный convolvules...

Переваливаем через гору Вардобир или Михайловскую, как ее называют ныне по селению, расположенному после покорения на ее косогоре, и ныне более не существующем; на месте селения, влево от дороги, осталось только казачий пост, на котором меняют верховых лошадей при пересылке почты и переездах по береговой дороге.

Встречаем множество потоков, переезжаем не раз реку Дегуа, в долине которой находимся. Известковые наносы сменяются полным разложением горных пород: мергел и чернозем замечаются по дороге и на откосах гор. Местность все более и более напоминает Малороссию с ее дубами, хмелевыми насаждениями, лопухами и сочными, цветущими пастбищами, среди которых замечаем и родную «перекати поле».

Недалеко от речки, направо от дороги, — прекрасно сохранившийся (средних размеров) долмен с отверстием к реке.

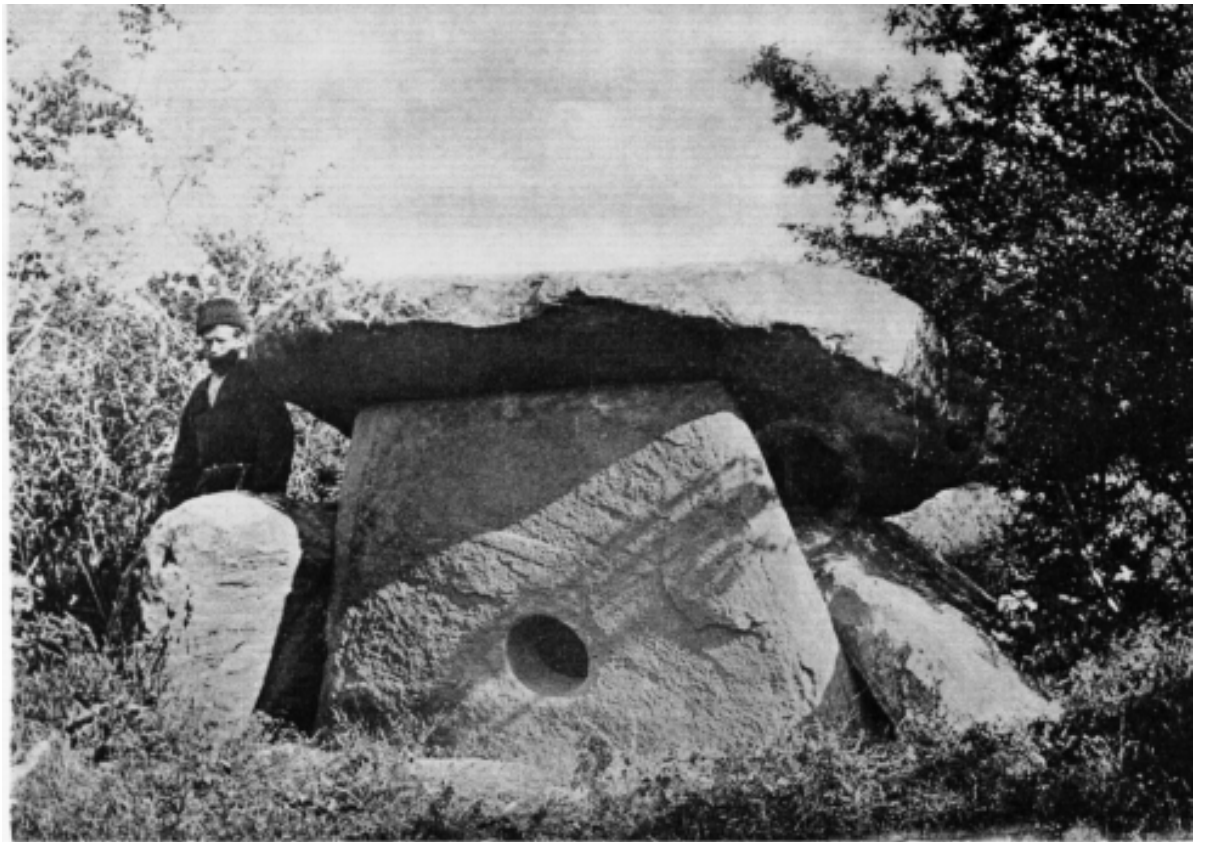
Дегуа впадает в р. Пшаду и, разливаясь по плоской низменности, образуя множество рукавов, песчаных наносов, зеленых островков, напоминает Терек около Балты. На лево — могилы-курганы, подобные тем, которые разрывали около Новороссийска, на правом берегу р. Цемеса.

Taitbout de Marigny и Dubois смешивают, мне кажется, названия Пшады с Береговой, принимая последнюю за первую, расположенную на восемь верст выше в горах, как увидим ниже. Dubois, путешествуя морем и не вдаваясь в дальнейший осмотр страны, наверно не мог посетить настоящей Пшады; укрепление же, построенное генералом Вельяминовым, о котором он говорит, существовало у Береговой. Здесь еще недавно жили натахайцы. Dubois же предполагает, что в более отдаленные времена здесь

находилась древняя Ахея, о которой упоминают Арриан и Птоломей; итальянские же географы, в средние века, упоминают о Береговой под названием Mauro Zega или Maura Zichia.

Станица Береговая расположена на реке Пшаде (обстоятельство, которое вероятно и ввело в ошибку Дюбуа), в 3 верстах от моря. Станица эта маленькая в 35 дворов, населенная малороссами, с примесью нескольких греческих семей; несколько развесистых орешников, ничтожные постройки, грязь и сор повсюду, очень симпатичный староста-казак, добродушное, молчаливое население, жалобы на малый надел земли (которой множество) и невозможность добыть ни мяса, ни курицы, ни горсть пшена. Остановились мы среди селения и, разыскав старосту, направились к тем двум хатам, в которых нам было приготовлено помещение. Более достаточные малороссийские хаты состоят здесь из двух просторных комнат, разделенных сенями или проходным коридором; одна из комнат служит кухней и помещением для хозяев, другая сохраняется для приезжих и праздничных дней; такое расположение дает возможность найти более чистое помещение, тем более, что все хаты обмазаны глиной, выбелены с обеих сторон, чисто выметены и украшены цветами. Приходилось довольствоваться таким идиллическим помещением на долгое время, так как между Новороссийском и Сухумом городов нет, и все прибрежные порты — те же станицы, как Геленджик и Береговая; впрочем, в хорошую, светлую погоду помещения эти не слишком неудобны, ввиду в особенности того, что близость моря или светлой речки дает вам всегда возможность приятно выкупаться и освежиться утром и вечером. Немного трудно бывает вначале, после продолжительного верхового переезда, довольствоваться жесткой скамьей вместо кровати, но и этим скоро миришься ввиду красоты окружающей вас природы. Хозяйка-крестьянка накормила нас пустым борщом, отличным хлебом и яйцами.

В станице, во дворе у одного крестьянина, осмотрели новый, совершенно особый тип долмена из цельного камня, высеченный также из песчаника (более желтого, чем остальные), и весьма схожий, по форме и размерам, с обыкновенными; верхняя плита только не выступает над боковыми стенками, но эти последние имеют спереди тот же уступ и приступку, как и все остальные. Долмен этот больших размеров, имеет также круглое отверстие и обращен теперь в курятник. Отверстие, имеющееся у долменов, настолько значительных размеров, что человек свободно в него пролезает (мы несколько раз это испробовали); но родился вопрос: каким обра-

17. Дольмень на р. Пшаде, в верстах ниже деревни Береговой.

18. Дольмень из цельного камня в деревне Береговой.

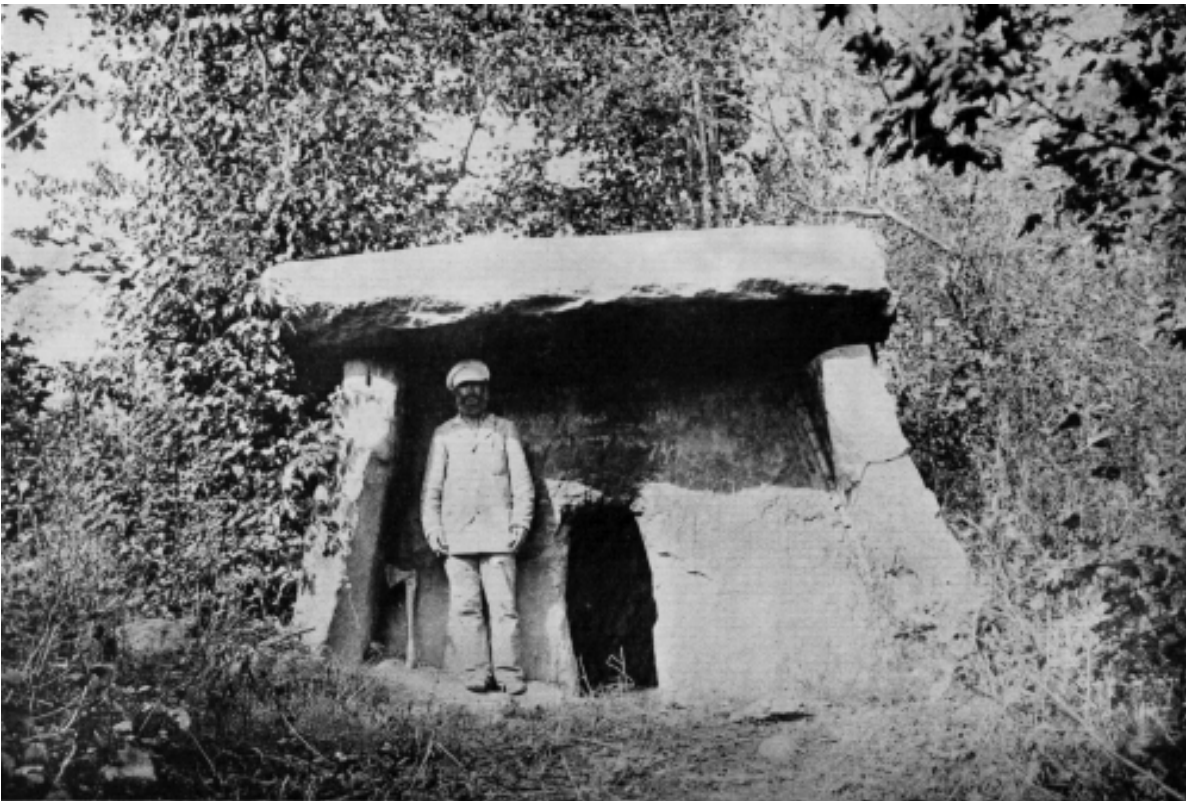
16. Дольмень на р. Пшаде, выше деревни Береговой.

ПШАДСКИЕ ДОЛЬМЕНИ

5

19. Дольменъ съ начертаніями на боковой плитѣ въ ущельи р. Адегай, близъ станицы Шапсугской.

23. Самый большой дольменъ при впаденіи р. Дугуабъ въ р. Пшаду въ 3 вер. выше ст. Береговой.

24. Дольменъ въ той-же мѣстности.

зом выдавливали внутренность подобного долмена и для какой цели предпринимали такую тяжелую работу? Извне произвести этой работы невозможно, так как нет следов наведения верхней плиты; возможно только одно предположение, что работа велась снизу, но и против этой гипотезы возможны возражения ввиду того, что передняя приступка составляет как бы одно целое с остальным. В Береговой находим кроме этого долмена еще другие, обыкновенные, средней величины, один на предгорье, на левом берегу реки, другой больших размеров среди деревни, на том же берегу, на бугре, обросшем дубками; третий там же, но уже в разоренном виде, и четвертый – на противоположном берегу, в версте от деревни, среди пашни. Все они имеют одинаковый характер и построение, и все обращены лицом к реке; состоят из пяти плит песчаника, из которых верхняя значительно выступает над боковыми; эти последние имеют пазы, которые служат, вероятно, к большей устойчивости постройки; спереди круглое отверстие; внутри три отделения плиты – две расположены перпендикулярно, третья горизонтально у них в ногах. Страдная пора помешала мне произвести внутри долменов раскопку, необходимую для окончательного решения вопроса, служили ли эти интересные памятники местом погребения или нет.

Вечером, когда спала жара, взяли казачьих лошадей и доехали до моря. Полевая дорога, по которой мы ехали, протекает по зеленым берегам Пшады, по камням и лугам; речка глубокая и широкая, течет плавно и спокойно; воды ее как бы дремлют в глубокой синеве; что-то новое и непонятное в этой темной, сине-зеленоватой, не то прозрачной, не то таинственной глубине...

Река вливается в море не прямо: она погибает на северо-запад, отделяясь от него значительно, каменистой косой, и только далее, под утесом, решается соединиться с ним.

Не знаю, чему приписать то обстоятельство, что французские путешественники – как Taitbout de Marigny, при описании Кавказа не упоминают о той массе долменов, которые тянутся по Кубани, Лабе и, спускаясь по восточному побережью Черного моря, кончаются долиной реки Аше (Дольменная культура имеет ареал, который заключается в треугольнике Ана-

Описание долменов у П.С. Уваровой очень хорошо иллюстрируется серией фотографий Е.Д. Фелицына.

См.: Фелицын Е.Д. Западно-Кавказские долмены // Материалы по археологии Кавказа. Вып. IX. Под редакцией Уваровой. М.: Товарищество типографии А.И. Мамонтова, 1904. Таблицы VIII – XII.

па - Майкоп - Очамчира. Прим. С.Х.).

6-го июля. Распростившись с нашими новороссийскими возницами, мы решили было с вечера, что встанем рано и выедем (верхом на казачьих лошадях) до жары; но, проснувшись, узнали, что в 5 часов утра приехал к нам навстречу из Туабсе местный попечитель, К.С. Козлов, привез с собою дамские седла, в которых теперь, с исчезновением черкесского населения, чувствуется на Кавказе сильный недостаток, и желает сопутствовать нам в нашей поездке. Проехал он более ста верст верхом и потому требовал отдыха; на этом основании пришлось подождать и выехать около одиннадцати часов.

В нескольких верстах от Береговой, в Пшадском ущелье, находим на предгорье, на правой стороне реки, два больших и очень хорошо сохранившихся долмена, окруженных деревьями; в одном из них переднее круглое отверстие значительно увеличено в недавнее время пастухами, обративших долмены в временное жилище. Характер, устройство и расположение этих долменов одинаковы с предыдущими. Третий долмен тут же в горах.

Козлов говорит, что местные черкесы сохранили те же предания насчет богатырских хат, как те, которые слышали мы в Осетии и на северном склоне Кавказского хребта: и тут те же Сипуны, нуждающиеся к возведению этих построек великанов; те же отверстия, необходимые для проезда в хату Сипуна, верхом на зайце.

Въезжаем в горы, заворачиваем немного на восток, и тенистым, зеленым подъемом (в 70 вер. от Береговой) добираемся до станицы Пшады, населенной хохлами и греками и построенной в прелестной, уютной местности, среди зеленых гор. Пестрое, нарядное население встречает нас у околицы и предлагает отдохнуть у них в станице; но мы довольствуемся осмотром на левом берегу реки, в черте деревни, на косогоре, двух, хорошо сохранившихся, долменов. По правую сторону реки, в Пшадском ущелье, по обеим сторонам гор жители насчитывают их до тридцати.

Солнце припекает; но мы поднимаемся такими тенистыми лесными дорожками, что его не боимся, и любимся только просветами на дороге, игрой густой листвы в лучах этого жаркого полуденного солнца. Дорога иногда так камениста и узка, что пробираемся один за другим; казак впереди отсекает шашкой нависшие ветви, чтобы дать нам возможность проехать. Нас очень много (нас пятеро, Козлов, офицер, командующий казачьим постом в Уланке, староста и 6 казаков), и поезд наш, поднимаясь в гору крутыми поворотами, представляет длинную, пеструю лен-

ту, причудливо извивающуюся между зеленых нависших дерев. Река Пшада осталась за горами, перевал Шемджегатль окончен, и мы спускаемся мало-по-малу в долину реки Текопс, где останавливаемся (в 8 вер. от Пшады) в чешской колонии того же имени, чтобы закусить и дать вздохнуть нашим лошадям. Пьем кофе у гостеприимного чеха, осматриваем его хозяйство, любуемся его осмысленностью и спешим двинуться дальше, так как до ночлега, в станице Вуланской, нам остается еще 8 верст по мягкой, полевой дороге, вдоль берегов р. Текопс, впадающей немного далее в р. Вуланку (по черкески Чепсия). Станица Вуланская расположена на левом берегу реки в полуторых верстах от моря, в местности занимаемой до покорения шапсугами; состоит она из 75 дворов и заселена частью великоруссами, частью малороссами. Каменная коса отделяет устье р. Вуланки от моря и заставляет ее завернуть к северо-западу, в том же направлении, как мы заметили при описании р. Пшады. Ночлег назначен нам на этот раз в лагере моряков, занимающихся измерением моря и расположившихся на все лето на пригорке, над правым берегом реки. Проезжаем станицу, спускаемся к морю, на косе спешиваемся и пересаживаемся в лодку, высланную нам любезными хозяевами-моряками, которые принимают нас так радушно и любезно, как лучших своих друзей. Проводим вечер, любуемся чудной лунной ночью, отдыхаем в палатках нам устроенных, встаем рано, чтобы не упустить восхода солнца, катаемся на парусах и в 6 часов вечера, 7 июля, прощаемся с радушными моряками, садимся снова на коней и направляемся по дороге в Джубку. Залив Вуланский был известен генуэзцам в XIV и XV веках под названием fiume Landia или Londia.

В 5 верстах от Вуланки, в ущелье, находится также долмен из цельного камня. Проезжаем между развалин

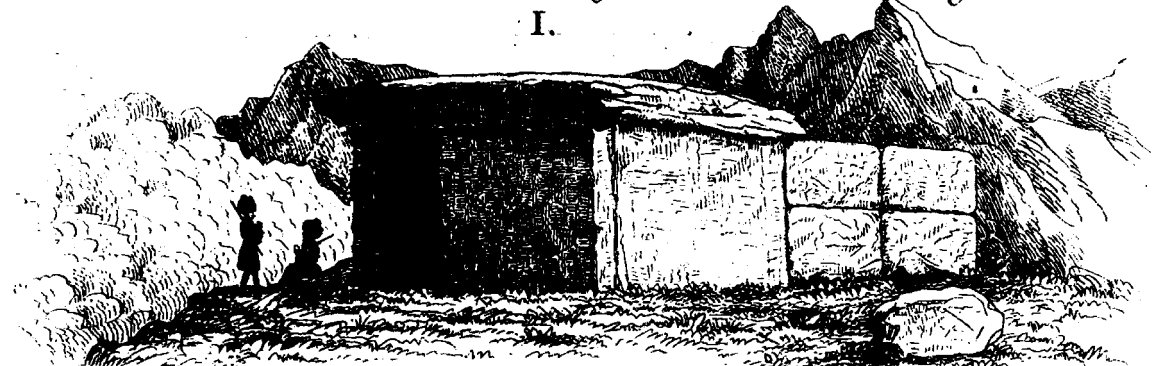
бывшей здесь крепостцы, среди валов которой стоит памятник рядовому Архипу Осипову, взорвавшему этот форт, бывший Михайловский, в то время, когда ворвавшиеся черкесы, намеревались перерезать весь гарнизон. Подвиг Архипа чувствуется до сих пор тем, что на перекличке в бывшем его полку всякий день Архип Осипов вызывается на ряду с живыми. «Он погиб во славу русского оружия», отвечает тогда старший.

Продолжаем путь вдоль р. Тешепс, множество раз переезжаем по ее руслу и притокам, поднимаемся в ущелье, спускаемся крытыми дорожками, столь живописными, что невольно воображаешь себя среди прелестнейшего парка. Долина р. Джубы, может быть, еще живописнее. Приходится пробираться по самому руслу ее, под зелеными сводами деревьев, так плотно прикрывших ее, что ни один луч солнца, кажется, не проникнет до ее дремлющих вод. На дороге, на откосах, и в русле рек замечаем много железняковых камней. Проезжаем чешскую колонию Тешепс, греческую деревушку и поселок временных арендаторов. Везде мягко, зелено и уютно. Уже совершенно стемнело, и мы, не зная дороги, даем полную свободу нашим лошадям. Въезжаем в долину р. Джубки или Джухубы, которая постепенно расширяется. Вот показались огни влево от дороги; мы проезжаем мимо поселка, оставляем за собой станицу Джубку и в версте от нее, на берегу реки, у подошвы зеленого холма, останавливаемся у телеграфиста Индоевропейской линии, в кампанейском домике, где нам отводят две комнаты.

8 и 9 июля. Река Джубка проложила себе путь к морю чрез широкую долину, по обеим сторонам которой возвышаются довольно высокие местные горы; река течет по мягкому, глинистому грунту; левый берег ее, более высокий, состоит из белой глины, между которой пролегают редкие залежи кругляков, скрепленные между собой ра-

Къ статья: „О древнихъ сооруженияхъ на Кавказѣ.“

I.

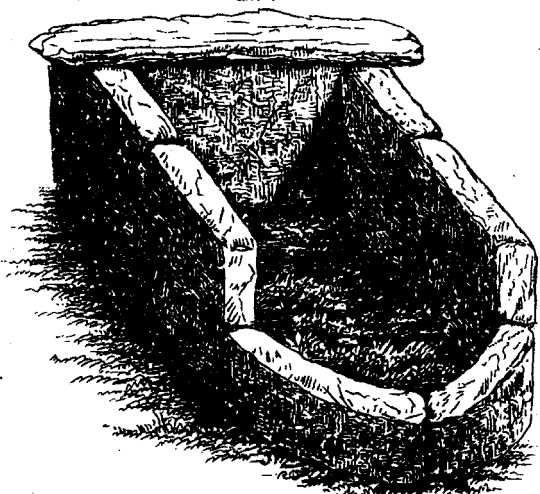
Усыпальница (дольменъ) около Джубы (въ Черном. окр. близъ ст. Джубской.) Видъ лицевой стороны.

Большой Джубгский
дольменъ с пристройкой-
«конюшней». Рис. XIX в.
См.: Байерн Ф. О древних
сооруженияхъ на Кавказѣ //
Сборникъ свѣдѣній о Кавказѣ.
Тифлис, 1871. Т. I. Между стр.
312 и 313.

створом углекислой извести. На этом берегу, среди глухой заросли, замечаются более высокие холмы, недоступные весенним водам и составляющие отдельные плоскогорья, с которых можно было делать набег, следить за неприятелем и, в случае нужды, укрепляться против него; на холмах этих не редкость встретить старые экземпляры дубов, вязов и ясеней, которые пережили не мало веков, не мало поколений. Чем ближе к морю, тем более понижается и левый берег: прелестною, живописною поляной, покрытою старыми вязами и дубами, доходит он до самого моря. До покорения долина р. Джубки считалась центром страны шапсугов и была сильно заселена; только в 1834 г. русским удалось перехватить Али-бея, начальника этого племени, долго жившего на Джухубе и собиравшего кругом себя не мало правых, всегда готовых на кровавую расправу. Вспоминая времена более отдаленные, скажем, что Арриан помещает в этой долине древнюю Лазику; Dubois же и др. видят здесь столицу страны Зиков.

На двух вышеописанных холмах правого берега р. Джубки, на земле генерала Аста-

II.

Видъ джубской усыпальницы съ противоположной стороны.

фьева, предприняли мы свои раскопки, привлеченные великопнейшим долменом, находящимся в 400 шагах от реки и приблизительно в одной версте от взморья. На самом обрыве холма, лицом к реке стоит богатырская хата, или долмен, гигантских размеров; с лицевой стороны ее пристроен двор овальной формы, обнесенный двумя рядами обтесанных глыб серого песчаника, положенных без цемента, таким образом, что пазы второго ряда приходятся на середине камней первого). (Рисунок и план долмена изданы в Материалах по Археологии Кавказа, вып. II, стр. 4 и табл. 1)

Верхний ряд камней двора сброшен старанием людей; но так как по своей тяжести камни эти не могли быть свезены, то они находятся здесь же, у подошвы холма и постройки. Измерив эти глыбы, выводим заключение, что они все, приблизительно, длиною в 3 ар. 2 вер., вышиною в 1 ар. 1 вер. или 1 ар. 7 вер. Двор длиною 8 ар. 3 вер.; шириною же всю богатырскую хату, то есть, 5 ар. 2 вершка.

Сама хата сложена из 6-ти громадных песчаных плит, установленных в паз на 6-й нижней, имеющей в толщину 9 вер. и выходящей из под стенок долмена спереди на 1 ар., сзади на 1,5 аршина. Все плиты приблизительно толщиной от 6 до 9 верш. Пазы врублены глубиной в 1 вер. и шириной в 6, что разумеется недостаточно для таких громадных и тяжеловесных плит, но имело также смысл при постройке, ибо, при большем углублении пазов, легко было бы ожидать скорейшей порчи или надтреска-

нья каменных стен. Ввиду того, что пазы эти не могли служить единственной скрепой стен с северной и южной его стороны, к нему привалены огромные каменные глыбы, которые, спирая его с двух сторон, придают особый уют этой гигантской постройке.

Долмен представляет вид продолговатого четвероугольника, и имеет в ширину 4 арш., в длину 3,25 ар., в высоту 2 ар. 9 вер. (внутри). Верхняя плита, толщиной приблизительно в 10 вершков, широко выступает над стенами; имеет она ширины 5,5 ар. и длины 6 ар. вдоль задней стены, в которой пластуны проделали с левой стороны широкую дверь, находится плита, в виде прилавка, шириной в 13 вер., длиной в 1 ар. 7 вер. и толщиной в 6 вершков. Боковые стены имеют длины 5,5 ар. и выступают весьма незначительно с задней стороны и на целый аршин с передней, со стороны которой, благодаря выступу нижней и верхней плиты, образуют довольно значительный навес.

В передней стене круглое отверстие, проделанное 0,75 ар. над землею. Пластуны, жившие в хате, обратили его в печное отверстие и пекли в нем хлеб. В правой стенке проделано четвероугольное окошечко, но оно также принадлежит к позднейшей работе тех же пластунов. На нижней плите, с передней стороны, весьма ясно обрисовывается паз, вероятно заготовленный при постройке и впоследствии не употребленный. Направление постройки SW-NO.

(Продолжение в следующем выпуске).

Современное состояние Большого Джубгского
дольмена. Из исследования: Дмитриев А.В. Каменные
испоины Черноморья // Дольмены. Современники
древних цивилизаций. Мегалиты Западного Кавказа IV-
II тысячелетий до н. э. Краснодар, 2001. С. 87.